

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Татьяна Шипошина
Тайна горы,
или
Портрет кузнечика

Татьяна Владимировна Шипошина
Тайна горы, или
Портрет кузнечика
Серия «Лауреаты Международного
конкурса им. С. Михалкова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7921722

*Тайна горы, или Портрет кузнечика : повесть / Татьяна Шипошина ;
[ил. Н. Курбановой]. – М. : Дет. лит., 2017.: Детская литература;*

Москва; 2017

ISBN 978-5-08-005723-6

Аннотация

Кто бы мог подумать, что обычная летняя практика в Крыму обернется для юного художника, двенадцатилетнего Саши, его родителей и друзей столь неожиданными событиями!

И конечно же в этом «виновата» гора, у подножия которой раскинулся лагерь художественной школы, – гора, чье существование издавна связано со множеством легенд, тайн, загадок...

Это присутствие Тайны и Чуда в мире ощутили на примере собственной судьбы герои повести, поднявшиеся в поисках

сокровищ на вершину этой горы, к развалинам древнего монастыря.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

О конкурсе	7
Таина горы, или Портрет кузнечика	11
Глава 1	12
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	45
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Татьяна Шипошина
Тайна горы, или
Портрет кузнечика

Российский Фонд Культуры Совет по детской книге Рос-
сии

Оформление серии А. РЫБАКОВА

Иллюстрации Н. КУРБАНОВОЙ

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза клас-

сика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов. В 2016 году объявлены победители пятого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его «подростковом секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей

и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса Ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Таина горы, или Портрет кузнечика

Где мысль не работает вместе с рукой, там нет художника.

Где дух не водит рукой художника, там нет искусства.

Леонардо да Винчи

Когда взберешься на высокую гору, перед тобой открывается огромное множество гор, на которые еще только предстоит забраться.

Нельсон Мандела

Глава 1

Эта история произошла два года назад. Я тогда переходил в шестой класс обычной школы и в третий класс «художки», то есть школы художественной.

Сейчас мне уже четырнадцать (почти), но я постоянно

вспоминаю эту историю.

Конечно, я вам ее расскажу, раз начал. Только сначала немного о себе, чтобы было понятнее.

Я – единственный ребенок в семье. Дело обычное. Я – обыкновенный ребенок. Это родители у меня... не совсем обыкновенные.

Они – художники. Папа преподает в той самой художественной школе, где я учусь. Только он старается не работать в моем классе. «Чтобы уберечься от инфаркта и других ужасных болезней», как он говорит.

Папа пишет картины и участвует в выставках. О нем частенько появляются статьи в журналах, его имя печатают в каталогах. Можно сказать, что мой папа – известный художник. Но папа никогда не зазнается. Это признают все его друзья, а главное – мама.

У моих родителей есть мастерская. Она переделана из чердака и расположена на шестом этаже пятиэтажного дома. Наша квартира – на пятом. Сейчас родители очень боятся, что пятиэтажка попадет под снос.

Боятся... Потому, что квартиру конечно же нам дадут. Может, и лучше прежней. Только вот как двум художникам существовать без мастерской?

Ведь мастерская – как бы это сказать? – словно бы сердцевина, словно бы душа нашей жизни. И не только нашей, но и жизни наших друзей.

Вернее, друзей моих родителей, которых я считаю и сво-

ими друзьями.

Все наши друзья собираются у нас в мастерской. Ведь это такое чудо – иметь мастерскую!

У мастерской есть своя история. Родители оборудовали ее сами. «Путем длительных согласований и некоторых подношений», как выражается отец, родителям разрешили пробить дырку на чердак, подвести к дырке лестницу и обустроить его.

Это случилось, когда мне исполнилось лет пять. Я, конечно, ни «согласований», ни «подношений» не помню. Но вот радость родителей... этот самый «праздник пробития потолка» я помню.

Кажется, это вообще мое первое воспоминание детства. Все прыгают вокруг кучи камней на полу...

Это потом уже появились и полки, и большие стеклянные окна, и обитые деревом стены.

Появились мольберты и подрамники, холсты, палитры и все прочее, что обязано находиться в мастерской художника.

Художников!

Появился тот самый, непередаваемый запах художественной мастерской, который ни с каким другим запахом не спутаешь.

Мама тоже пишет картины, только реже, чем папа. Она в основном делает иллюстрации для книг. Для детских.

Было бы удивительно, если бы меня с первого класса обычной школы не определили в «художку». Я просидел

два года в подготовительном классе, так как (чего уж тут скрывать!) особого рвения к рисованию не проявлял с самого начала. Отсюда и пошли папины высказывания про «инфаркт».

Мне нравились (и сейчас нравятся) автомобили, поезда, самолеты. Все, что движется, гудит, питается бензином и пр. С первого класса я начал собирать коллекцию машинок. Я знал, чем отличаются «жигули» разных моделей, не говоря уже об «ауди», «мерседесах», «тойотах» и прочих представителях отряда четырехколесных!

«Жена, тебе мальчика в роддоме не подменили?» – интересовался папа.

«Сам смотри... – вяло отмахивалась мама. – По крайней мере, в нашем роду машины различают только по цвету. Красненькая, синенькая...»

«А в нашем – по размеру, – вторил папа. – Большая, маленькая... Чей мальчик? Откуда мальчик?»

Когда я учился в первом классе, я на эти шуточки обижался. Потом перестал.

Пусть смеются! Конечно, меня не подменили. Я похож на них обоих – на отца и мать.

Я любил их обоих! (То есть люблю!) Они оба еще молодые... красивые, особенно мама!

Ради любви я сидел два года в подготовительном классе «художки»! А из-за чего еще можно там сидеть, штукатурия надоевшие натюрморты с немислимыми кувшинами и вос-

ковыми яблоками...

Штриховка туда, штриховка сюда... «Яблоко квадратное, кувшин завалился, драпировка деревянная...»

В конце пятого класса обычной школы я завершил учебу в третьем классе «художки». Конечно, к третьему классу в «художке» учиться стало интереснее. Потому что у меня начало наконец что-то получаться. Потому что кроме скучного рисунка появились и настоящая живопись, и композиция, и лепка из глины.

Рука стала тверже держать кисть.

Мне стало нравиться писать красками: смешивать цвета, класть мазки.

Вообще-то рисовать – это здорово! Когда твоя рука выводит на бумаге или на картоне сначала линию... Еще не понятно, что это будет... Одна линия, другая... Вот уже на листе показывается человек... Здорово!

Вдруг человек обретает цвет... Его глаза становятся карими. Его губы улыбаются... Вот на нем появляется шляпа...

Тут появляется учитель и говорит тебе в ухо: «Александр, ты не смотришь на натуру! Там вроде бы стоит кувшин, а ты опять нарисовал пирата!»

Ну и так далее и тому подобное...

Да! Еще могла, вслед за этим, последовать совсем уж нехорошая фраза: «Интересно, а как твой отец смотрит на эти художества?»

«Он зажмуривается!» – мысленно отвечал я.

Папа иногда зажимивался, иногда – нет.

Бывало, что и попададо мне. Ну, как без этого...

Глава 2

В конце третьего класса «художки» полагалась практика. Выезд на натуру, на пленэр (в переводе с французского «на пленэр» означает: «на открытый воздух»).

Летом, после третьего класса, я мог бы отправиться в Крым. Две группы ребят из нашей «художки» (старшая и младшая) отправлялись туда каждое лето.

В прошлом году я родителям о Крыме даже не заикался. Тому имелась объективная причина.

Дело в том, что я в своем третьем классе «художки» самый маленький. Это сейчас мне четырнадцать (почти). А тогда еще двенадцати не исполнилось...

К нам в школу принимают с третьего, а то и с четвертого класса обычной школы. Это меня взяли с первого, потому что папа...

Несмотря на то что я просидел два года в подготовительном классе, я все равно оказался младше всех.

Папа на практику в этом году не ехал. Ему сделали большой заказ, который требовалось закончить в срок.

– Пущать или не пущать? Вот в чем вопрос? – размышляли мама с папой, сидя в мастерской за «рюмкой чаю» по случаю скорого окончания учебного года в «художке».

На мольбертах сохли неоконченные картины папы. В открытые окна проникали лучи закатного солнца.

В мастерской родители сидели не одни. Там же находились папин друг Мигель со своей спутницей Ариадной и папин друг Иваныч без спутницы. Правда, присутствовала мама подруга Жанна. С Мигелем и Иванычем папа учился в Строгановке. Мама тоже там училась, только на три года позже.

Мигеля по-настоящему зовут Миша. Он тоже художник, только «свободный». Он так про себя и говорит:

– Я – свободный художник жизни!

Правда, я не видел его картин. Однажды я даже спросил у папы, где можно посмотреть картины Мигеля? Потому что Мигель сам как картина: черные длинные волосы, весь в каких-то разноцветных кофтах и шарфах, в каких-то ремнях, фенечках и завязочках...

– Я бы тоже хотел взглянуть на его картины... – вздохнул папа. – Только он давно уже кисточку в руках не держал.

– Он занимается перфóмансом, – пояснила мама.

Я не понял. (Тогда не понимал.)

– Ну, берет разные штуки, ставит их с ног на голову и сам ходит посреди этого всего, – пояснил папа.

– На голове? – спросил я.

Почему-то мне представился Мигель со своими шарфами и фенечками, стоящий посреди разных штук именно на голове. Вернее, на ногах, но на потолке. И шарфы свисают вниз...

– Что – «на голове»?

– Ну ходит!

– А-а-а... – протянул папа. – Угу. Можно сказать и так. А эти всякие штуки называются «инсталляции».

– Не забивай ребенку голову, – попросила мама.

– Для общего развития, – пожал плечами папа. – Я же на выставку к Мигелю Сашку не приглашаю!

– Да, – отозвалась мама. – Не стоит ребенка пугать...

Мигель – он в общем-то дядька добродушный. Только с закидонами. Как выпьет, начинает читать стихи и бренчать на гитаре. А потом жаловаться на жизнь и плакать. Или смеяться.

Подружки с ним приходят разные. Наверно, потому, что ни одна долго не выдерживает. Или стихов, или слез, или этих... как их?., инсци... ну, этих всяких штук, поставленных с ног на голову.

Теперешняя Мигелева Ариадна ему под стать. Тоже вся в ремешках, бусах, поясах и серьгах. Лохматая. Молчаливая. В трех или четырех кофтах, выглядывающих одна из-под другой. Пришла к нам только второй раз.

Мигель сразу же принял участие в вопросе о моей практике:

– Пускай ребенок отдохнет от родителей! Пусть едет! Я – за! В Крыму хорошо! Тепло!

– Угу, – кивнула его подружка. – Я, например, сама сбегала из дома три раза.

По-моему, эта фраза оказалась единственной, которую

она произнесла за весь вечер.

Я не думаю, что такой аргумент положительно подействовал на маму. Она внимательно взглянула на подружку Мигеля и предложила:

– Может, я его лучше на дачу к бабушке отправлю?

Я любил бабушку, мамину маму. Она оставалась единственной моей бабушкой: все остальные (бабушка и два дедушки) уже покинули этот мир. Я бы с удовольствием съездил к бабушке в гости.

Но практика! В Крыму! Вместе с ребятами из «художки»! Неужели родители не поймут, что я уже вырос!

– Ма, это же всего три недели! А на даче у бабушки мне и так все остальное лето загорать! – возразил я.

– Крым теперь чужая страна... – вздохнула мама. – Не знаю, как там обстановка. Граница, таможня...

– Он что, золото и бриллианты повезет? – поинтересовался Мигель.

– Наша школа ездит туда испокон веков, – не погрешил против правды папа. – Может, пусть съездит? Чтоб от товарищей не отстать?

Папа, кажется, склонялся на мою сторону. Тут мама привела последний аргумент:

– А если что-то случится?

На такую фразу ответить невозможно. Поэтому все замолчали. Я готов был заплакать.

Тут за меня заступился Иваныч.

– Я бы отпустил, – повел он своими плечищами. – Пусть мужиком становится.

Как я был благодарен Иванычу за поддержку!

Глава 3

Надо бы пару слов сказать и про Иваныча.

Иваныч писал русскую природу, Русь-матушку, церкви, красавиц в сарафанах и мужиков в белых вышитых рубахах. Пытался даже писать иконы, но, как он выражался, никак не мог «свою натуру вставить в канон».

Внешность у Иваныча соответствующая. Большой, сильный, косая сажень в плечах. Похож на грузчика или штангиста, а не на художника. Одним словом, русский богатырь. Только без меча или без палицы. Без кольчуги и коня. И немножко «без царя в голове», как выражается Жанна. Как будто у нее самой в голове одни «цари»..

Иваныч ходил в церковь и даже хотел определиться в монастырь (как я случайно узнал из разговора родителей). Но в монастырь Иваныча почему-то не приняли. По этому поводу он некоторое время провел «в тоске» и «пил горькую».

Но принципам жизни Иваныч не изменил. Натуру же не изменишь...

Знал я так же, что существовала некоторая симпатия между Иванычем и Жанной. Существовала давно, но как-то безвыходно и безрезультатно. То Иваныч в духовных исканиях, то Жанна в тоске, то еще что-нибудь.

Вот такая компания собиралась у нас в мастерской. Это не вся, конечно, компания. У нас много народу собиралось.

И собирается...

Жанна, между прочим, совсем не художник. Она журналистка. Познакомилась с мамой, когда я родился: лежали вместе в роддоме.

Только у Жанны случилась беда: ее новорожденная дочка умерла. Потом муж ушел. А вот дружба с мамой осталась.

Жанна ничего не сказала насчет моей практики, только отвернулась к окну. Она вообще какая-то не очень веселая, эта Жанна.

Носит длинные юбки. Чуть что – крестится. В церковь часто ходит. Иногда, в праздники, Жанна зовет маму, и они отправляются в церковь вместе. Только для мамы надеть юбку или платок на голову равносильно подвигу. Она сама так говорит. Потому что любит ходить в джинсах или в каких-нибудь других брюках и даже зимой – без шапки.

Вы не думайте, что я называю друзей моих родителей по именам только сейчас. Нет, я их вообще-то всегда так называю. А никто и не возражает.

Иваныч однажды так и припечатал, когда кто-то из нечестых гостей удивился, что я всех называю по именам.

– Он тут равный среди равных, – объяснил гостю Иваныч. – И вообще, он у нас один на всех...

Иваныч прав. Среди взрослых друзей моих отца и матери я оказался единственным ребенком. Рожденным «по залёту».

Извините, но факт. Раньше я не знал, что это значит. Услышал эту фразу от взрослых и решил, что мои мама и папа летали где-то (в небесах от любви...) и от этого родился я.

В принципе, став старше, я понял, что не так уж и не прав.

Короче, я не только любил (люблю) своих родителей. Я еще им благодарен за то, что, витая в облаках своей любви, они не стали придумывать никакого ужасного способа изба-

виться от меня или просто сделать так, чтоб я и не начинался (а ведь могли бы!).

Честное слово, я старался не мешать им летать..

Мою маму зовут Тоня, а отца – Юрий. Так что я – Александр Юрьевич.

Меня отпустили на практику.

Отпустили!

Ура!

Глава 4

В Крым, в составе младшей группы, поехали двенадцать человек, в том числе и я. С нами отправились папины коллеги: Анастасия Никодимовна, или Никодимна, или просто – Гимназия, и Сергей Петрович, или просто – Петрович. Кроме того, в Крым отправлялась еще группа старших ребят. Более многочисленная, чем наша. Но старшие держались особняком.

В нашей группе за пять девчонок отвечала Анастасия Никодимовна, а Петрович – за семерых мальчишек.

На перроне, перед отъездом, родители в двадцать пятый или в сорок пятый раз пытались внушить мне, чтоб я никуда не лез без разрешения, чтоб не заплывал далеко, купался по пять минут, слушал Петровича, а также мыл руки, овощи и фрукты. Да! И чтоб кушал хорошо!

И вообще...

Родители надавали мне еще массу ценных советов, и я честно обещал все-все выполнять. Обещал звонить по мобильнику два раза в день. Я ведь их люблю, моих родителей.

Поезд тронулся.

Мои Тоня и Юра долго бежали вслед за вагоном, махая мне рукой. Да, я очень хотел в Крым, но расставание есть расставание.

Иногда, только расставаясь, понимаешь, как люди тебе до-

роги. Кажется, я даже заплакал. Чуть-чуть...

Поезд все шел и шел. От Москвы к морю.

С каждым километром делалось теплее. Менялась и природа. За окном становилось все меньше лесов. Все шире расстилались степи. Все чище, свободнее от всяких строений становилась линия горизонта.

И вот уже все мы застыли возле окон, наблюдая, как совершенно круглое розовое солнце садится за не замутненный никакими постройками или растительностью горизонт. Горизонт, словно бы прочерченный по линейке.

Мы смотрели, как солнце окрашивает небо всеми оттенками розового, оранжевого, желтого, лилового, фиолетового...

Наверно, не мне одному хотелось нарисовать этот закат. Петрович же, стоя вместе со всеми у окошка, повторял:

– Запоминайте, ребятки! Запоминайте...

Ночь в поезде пролетела незаметно, и вот наконец мы увидели море из окон нашего вагона.

– Ура! Ура! – кричали мы.

Никто из пассажиров нас не останавливал. Ведь именно к нему все и стремились – к теплomu и ласковому морю. Ура!..

Мы выгрузились на железнодорожной станции, у въезда в пыльный южный городок, не доезжая до его центра. Нас уже поджидал маленький старый автобус, чтобы везти по назначению – в оздоровительный лагерь.

Мы (наша группа и группа «четвероклассников», то есть

старших) погрузились в автобусик, и он запыхтел по узкой дороге со скоростью, едва ли превышающей пятьдесят километров в час.

В автобусе мне досталось место около окошка. Я как прилип к стеклу, так и не смог от него отлипнуть до конца пути.

Какая дорога открывалась передо мной!

Все-таки я не даром учился в художественной школе! Мне казалось, что каждые сто метров этой дороги можно мысленно одеть в рамки и представить в виде картин.

Автобусик, пытая от одышки, заползал все выше и выше. Он продвигался по узкому шоссе среди древних фиолетовых камней, поросших вековыми мхами.

Вдруг, прямо с высоты, перед нами открылась огромная синяя чаша.

Море! Море в обрамлении гор...

Кажется, я даже перестал дышать! Просто забыл, что мне надо дышать, и вспомнил об этом только тогда, когда... Ну, в общем, вспомнил.

Автобусик двинулся вниз. Вы не поверите, но временами я даже закрывал глаза, потому что красота переполняла меня через край.

В автобусе установилась тишина. Народ перестал переговариваться и приткнулся к окнам. Ведь мы все были художниками.

Ну, почти художниками.

— Запоминайте, ребятки... Запоминайте...

Глава 5

Наш лагерь находился на берегу Черного моря, под старой, древней горой – потухшим вулканом.

Сама гора давно уже считается заповедником.

Лагерь стоит как раз на границе заповедника и старинного курортного поселка. Не буду описывать свое впечатление от местности. Оно ничем не отличалось от первого, автобусного впечатления.

Какая красота! Я даже предположить не мог, что такое бывает.

Споткнувшись, я остановился, случайно задрал голову. Мой друг Лёнчик наткнулся на меня:

– Ты чо? Окаменел?

Я показал Лёнчику на небо. Лёнчик поднял голову и тоже «окаменел».

Над нами разливалась такая синева... такая голубизна... такая лазурь! Без единого облачка... высоченная и бездонная.

Нас поселили в отдельный небольшой павильон и накормили. После обеда мы сразу отправились купаться и сидели в воде... не буду говорить сколько...

Чем только Петрович и Гимназия ни грозились нам – мы не вылезали. Но пострадал только я один.

Маму надо слушаться. Купаться надо по пять минут. Ну,

по десять...

Потому что сразу после пляжа я замерз и даже натянул на себя свитер. Наверно, я глупо выглядел в свитере в жару, да еще после купания. Но мне было наплевать, как я выгляжу. Мне становилось все холоднее. В горле першило. Я едва притопал на ужин.

После ужина я свалился на кровать, закутался в простыню и покрывало, но никак не мог согреться. Пожалел, что теплого одеяла нет. Лето же! Одеял нам не раздали...

– Да ты, кажется, заболел. – Петрович положил руку мне на лоб. – Ступай-ка в изолятор! Сам найдешь дорогу?

– Я его провожу! – вызвался Лёнчик.

– Давай провожай! Только до изолятора – и назад! А то знаю я вас, провожальщиков!

Мы с Лёнчиком направились к изолятору. Меня уже просто колотило. Подбородок трясся помимо моей воли...

Изолятор располагался в стороне ото всех лагерных построек, на возвышенности, под самой заповедной горой. Маленький беленький домик с верандой. В середине – процедурный кабинет. Две палаты для больных, а в третьей палате жила, как я потом узнал, молодая врачиха, Вера Петровна, или Верочка.

Симпатичная, тоненькая, как девчонка, Вера Петровна изо всех сил хотела казаться строгой, но у нее это не очень получалось.

Верочка встретила нас на веранде. Она сразу поняла, кто

болен.

– Ох-ох-ох! – всплеснула она руками, глядя на меня.

Мне сунули градусник. Я едва сидел.

– Тридцать девять и семь! – торжественно объявила Верочка, глядя на градусник. – Ну-ка, рот открой!

– А-э-э, – чуть не подавился я.

– Так и есть! Ангина начинается! Ты перекупался!

– Ничего я ни пере... ку... – попытался возразить я. – Я только... о-д-дин разок...

Зубы не дали мне договорить.

– Иди ложись на кушетку да то самое место готовь!

Верочка уже доставала шприц и ампулы с лекарствами.

– М-может, не надо? М-может, таблетку какую-нибудь? – попросил я пощады.

– Да, – поддержал меня Лёнчик, – чего зря дырявить человека?

– Сочувствующих просим удалиться! – Верочка уже стояла со шприцем наготове.

Я закусил губу.

– Ой! Ой-ой-ой!

– Да ладно тебе! Ничего страшного.

– Ага, вам хорошо говорить! – не согласился я с докторшей.

Верочка потрепала меня по волосам.

– Мне хорошо, а ты – терпи! А провожающий еще здесь? Марш в павильон! – повернулась она к Лёнчику.

Он тут же испарился, но не факт, что отправился в павильон. В лагере наверняка нашлось бы немало мест, достойных его внимания и исследования.

Через секунду я уже не думал о Лёнчике.

Я лежал на койке в изоляторе, на чистой, белой простыне, укрытый одеялом в белом пододеяльнике. Мне становилось тепло, и я потихоньку проваливался в сон.

Но я еще не спал... Я смотрел.

В свете заходящего солнца, рядом со стеклянной дверью моей палаты, возвышалась гора. Она была так близко, что мне даже показалось, что моя белая постель стоит прямо на ее склоне.

Я уже не понимал, наяву или во сне вижу эту гору, покрытую желтоватой, выжженной солнцем травой. Не понимал, наяву ли слышу стрекот кузнечиков и жужжание пчел, или это в моей голове что-то гудит и стрекочет. Все вокруг переливалось, блестело, жужжало и стрекотало... Неправдоподобно синяя полоска моря вдалеке казалась нарисованной.

Вечерние ароматы нахлынули на меня и словно унесли в неизведанные края. В края несорванных цветов, непуганых мотыльков, прозрачных стрекоз и свободно прыгающих кузнечиков.

Так, глядя на эту гору, я и заснул.

Глава 6

Я проснулся только на следующее утро. Мне полегчало, перестало знобить, но голова гудела, и болело горло.

Вера Петровна еще разок меня уколола и дала какие-то таблетки. Потом принесла мне в кружке что-то теплое и душистое.

– Полощи горло! Можешь и попить.

– А что это? – поинтересовался я.

– Это я тебе здешних трав заварила. Чудо, а не травы! Максимально возможная экологическая чистота в наше время, учти. Завтра здоров будешь. Давай полоскайся. Я тебе вечером еще заварю.

Отвар я в основном выпил. Он был терпким и сладковатым.

До обеда я снова дремал.

Лёнчик принес мне еду из столовой. Налетел, как ветер:

– Как дела?

Я только открыл рот, чтоб рассказать, как Лёнчика уже и след простыл.

– Ты выздоравливай! – крикнул он с крылечка веранды. – Посуду я в ужин заберу! Мы идем на этюды! Тут так классно!

Есть мне не хотелось. Странное что-то творилось со мной. Наверно, на меня подействовала эта гора...

Я лежал на изоляторской кровати и смотрел на гору. И на

море.

Ничего не было вокруг. Только я, эта гора и море вдалеке. Да, еще синее высоченное небо. И где-то в нем – невидимое, но осязаемое солнце.

Мои мысли текли как бы помимо меня.

Я никогда... Я никогда раньше так не думал...

Гора казалась теплой и живой. Она жила своей, отдельной жизнью, не связанной ни со мной, ни с моей болезнью... Удивительное дело! Среди пожухлой от жары травы цвели маленькие разноцветные цветочки. От того, что я не знал их названий, цветочкам было ни холодно, ни жарко. Они просто цвели... независимо от меня. Независимо от меня жужжали пчелы, цвиркали кузнечики. Над горой летали разноцветные непуганные бабочки по своим, только им известным маршрутам.

Вдали, вообще неподвластное моему разумению, располагалось огромное море, тоже наполненное жизнью, совершенно не зависящей от меня.

Вверху простиралось небо. Голубое, синее – до невозможности. Оно было от меня так далеко... так... как небо... Ослепительно жарко сияло солнце. Я не мог бы даже описать как...

Вот уж что от меня не зависело!

Неужели... совсем?

«Нет, – думал я, – такого не может быть, чтобы я оказался совершенно ни при чем! Слишком несправедливо, если бы

я остался в стороне!»

Но как? Где находилась та самая точка пересечения меня и горы? Меня и моря, меня и неба? Меня и всех этих жучков-паучков, кузнечиков, птичек, цветочков?

Я закрыл глаза. От таких странных мыслей защемило в груди. В горе чувствовалась такая сила... такая мощь... такая торжественность...

– Спишь? Как дела?

Пришлось открыть глаза. В проеме стеклянной двери стояла Вера Петровна.

– Что делаешь? – спросила она.

– Смотрю на гору.

Вера Петровна присела на мою кровать.

– Я тоже иногда на нее смотрю. Когда больных нет. Удивительная гора. А воздух! Ты чувствуешь, какой здесь воздух? Его можно ножиком резать и на хлеб намазывать. Даже в лагере такого воздуха нет, как здесь, рядом с горой.

Я хотел было спросить у Верочки про то, о чем думал. Но как это выразить? Как я связан с горой? Смешно! Да никак я с ней не связан! Еще неизвестно, думают ли вообще взрослые о чем-нибудь подобном. Им бы сразу бутерброд...

Глава 7

Вечером навещать меня пришел Лёнчик и все наши. И Светка тоже пришла. Светка старше меня на год. Тогда она переходила в седьмой. Вот если бы я в то время сказал кому-нибудь, что я, пятиклашка, влюбился в Светку, наверно, народ посмеялся бы. Даже Лёнчик.

Я никому об этом и не говорил. Так, смотрел на Светку издали, и мне с каждым днем все больше нравилось смотреть на нее.

А она... она не смотрела в мою сторону. Даже здесь, в моей изоляторской палате, Светка смотрелась в зеркало, висящее над раковиной.

Зеркало отражало светлые, чуть выющиеся волосы, серые глаза, пухлые губы...

Мне пришлось отвернуться и сосредоточить свой взгляд на Лёнчике.

Все, кто пришел меня навещать, сразу начали хохотать и дурачиться, за что были благополучно выставлены Верой Петровной за дверь.

Я снова остался один. Я смотрел, как сначала розовеет, затем темнеет небо. Как растворяется в сумерках полоска моря.

Сначала затихли пчелы, за ними – кузнечики. Началась иная, вечерняя музыка. Зазвенели цикады. Я их и раньше

слышал, но не обращал внимания. А тут... Я не слышал ничего, кроме цикад, не видел ничего, кроме сумеречной горы.

Эй, гора! Расскажи мне, кто ты...

Гора молчала, кутаясь в сумерки. Она уходила в тень, но сила ее не убывала. От этой силы во мне все пело. Кажется, я сам звенел, как цикада.

Мое одиночество опять нарушила Вера Петровна. Послышались голоса, зажегся свет на веранде. Вера Петровна пришла не одна.

С ней притопал какой-то мужик. Видимо, физрук. Разговор взрослых я слышал весь, до последнего словечка.

– Вера, – приставал к докторше физрук, – ну сколько я могу ходить за тобой! Что ты ломаешься?

Голос его звучал довольно грубо.

– Сережа, отстаньте! Вон сколько молоденьких вожатых вокруг! Зачем я вам нужна?

– Нужна!

Тут, видимо, физрук попытался обнять Верочку, потому что послышался звук упавшего стула.

– Нет! Сергей, оставьте меня! Я сейчас закричу!

– Здесь никто не услышит.

– Но вы!.. Вы же меня слышите? Неужели вам не понятно, что вы не нравитесь мне! Что я не хочу! Не хочу! Подите прочь!

– Тоже мне! – проворчал физрук. – Была бы девочка! Я же знаю, что тебе тридцатник скоро! Чего ломаешься?

– Подите прочь!

Дальше в речи физрука появились слова непечатные, но, видимо, ему пришлось уйти, так как звук затихающих шагов я слышал уже вперемежку с Верочкиными всхлипываниями.

Мне стало жаль Верочку. Я поднялся с кровати и выглянул на веранду. Верочка сидела на крылечке и вытирала слезы.

Я потихоньку вышел из палаты и сел рядом с докторшей на крыльце.

– Не расстраивайтесь, – сказал я.

– Ты чего это вышел? Ну-ка в кровать! – возмутилась Верочка.

– Да мне легче... Я посижу, ладно?

Верочка поднялась, зашла в мою палату и вынесла покрывало. Она положила покрывало мне на плечи.

– Ладно, посиди. Закутайся только.

Верочка погасила свет на веранде. Только окно моей палаты квадратом освещало подступы к сумеречной горе.

Звенели цикады. Гора потемнела, но от нее ощутимо веяло теплом.

Ночью гора выглядела не менее величественно и не менее таинственно, чем днем. Море сливалось с небом на горизонте. Первые звездочки уже сияли.

Я никогда... Я нигде еще не видел ничего подобного. Казалось, я мог раствориться в этой горе. Полностью...

Но рядом со мной сидела Вера Петровна и все еще всхли-

пывала. Вернее, уже не всхлипывала, а так, сопела.

– Не расстраивайтесь из-за него, Вера Петровна, пожалуйста, – начал я успокаивать Верочку.

– Я и не расстраиваюсь из-за Серёги, – улыбнулась она.

– А чего же вы плачете?

– Сказать? Ладно... Плачу от того, что опять одна... как эта гора...

– Не надо плакать... Гора... хорошая...

Я не знал, как сказать о том, что я думал о горе.

– Да, гора прекрасна, – согласилась Верочка. – Конечно, это я себе польстила. Мне до этой горы... как до Луны. Люди ведь отличаются от гор.

«Интересно», – подумал я.

– Вера Петровна! А чем люди отличаются от гор?

Верочка помолчала. Потом посмотрела на меня, как бы проверяя, может ли она мне сказать то, что думает.

– Понимаешь... – начала она. – Гора – она гора. Море – это море. Небо – это небо. Ни в небе, ни в горе нет колебаний, нет сомнений. Гора ведь не сомневается в том, как ей поступить, что сделать, кого выбрать. Она просто есть. Она здесь поставлена... Богом, наверное. Поставлена и стоит. Зима, лето, солнце, дождик, день, ночь – а она стоит. Она не думает о том, куда бы ей убежать. Куда бы смыться... И море...

– А море не думает, куда бы испариться! Или выплеснуться!

– Да! – усмехнулась Вера Петровна. – Точно! Но человек... Он все время колеблется. Надо – не надо, хорошо – плохо, бежать или стоять, дать или забрать. С кем встречаться, кого прогнать. Как жить...

Верочка помолчала.

– Про сильного человека иногда говорят: «Непоколебим, как гора». А про слабого: «Как травинка на ветру». Слышал такие выражения?

– Слышал. Только я не задумывался, о чем они.

– Гора выполняет свое предназначение. А человек бьется головой о стену и никак не может определить, зачем он здесь находится... здесь, на Земле.

– Гора не зависит от человека, – сумел сказать я.

– Гора терпит человека. Наверное, терпеть нас входит в ее обязанности.

– И помогать, – вставил я. – Вы же травы на ней собирали.

– Травы, полезные ископаемые... да. Но это все так... применительно к человеку. Видимо, это не главное.

– А что главное? – не удержался я.

Верочка молчала.

Цикады звенели. Звезды набирали яркость и силу и как бы опускались все ниже, к самой горе. Ясно был виден Млечный Путь.

Я никогда, нигде не видел таких крупных и близких звезд.

Казалось, протяни руку – и звезда окажется у тебя на ладони. Ну, пусть не с крылечка... А если залезть на гору, про-

тянуть руку, и...

– Разве мы в городе помним о море, небе и горах? – вздохнула Верочка. – Если помним, то только применительно к себе, к очередной своей суете: к купанию, оздоровлению, к престижу, к самолетам, пароходам, отелям, любовникам... Ох, извини!

– Да я не маленький.

– Не маленький... Я тут, рядом с этой горой, сижу иногда... одна... смотрю на нее и все думаю, как бы мне не забыть ее, эту гору. Не забыть ее, когда в город вернемся. Не забыть, когда настанет зима. Гора свободна. Она здесь поставлена, но она свободна! Понимаешь?

– Понимаю.

Я понимал.

Или не понимал...

– Говорят, здесь, на вершине горы, есть развалины старого монастыря. В древности монастырь был очень богатым. Сколько уж веков пролетело, а сокровищ монастыря так и не нашли. Если по тропинке от изолятора вверх подниматься, можно до него дойти. Мне лесник здешний рассказывал, смотритель заповедника. Жили там, на вершине, монахи. Богу молились. Вот кто понимал душу горы... – вздохнула Верочка и поднялась. – Ладно, пора уже. Спать иди. Спокойной ночи.

Через полчаса я лежал на своей изоляторской кровати и думал о том, что мне тоже нельзя ее забыть, эту гору. Мне

вдруг захотелось – ну, конечно, немного стыдно об этом говорить, – мне захотелось понять душу горы! Мне хотелось стать таким же большим и сильным и таким же непоколебимым, как гора.

Мне хотелось быть мудрым, добрым, справедливым... и вообще...

Глава 8

Ангина от меня отступила, так и не начавшись как следует. Вера Петровна через пару дней отпустила меня из изолятора.

Я вышел и сразу окунулся в лагерную жизнь.

Права была Верочка. В этой суете думать о горе оказалось довольно сложно. Этюды, купание, спорт. Девчонки, танцы, Светка... И много чего еще!

Какая уж тут «душа горы»...

Падая после отбоя на кровать, я думал: «Гора! Не позволяй мне совсем забыть про тебя! Пожалуйста, гора!»

А еще я думал о том, как было бы здорово забраться на гору и найти тот старый, заброшенный монастырь, о котором говорила Верочка.

Вы уже, наверно, догадались, что хоть и не сразу, но я рассказал Лёнчику о монастыре. Лёнчик аж загорелся! Только не предания о монахах, которые понимали душу горы, так заинтересовали Лёнчика. Гораздо больше его взволновали рассказы о древних монастырских сокровищах, которые никто до сих пор не нашел.

Он заставил меня повторить рассказ о сокровищах.

– Давай! Что тут идти! Гора же не очень высокая! За день управимся! Я сразу сокровища найду! Понимаешь! Я чувствую! Я везучий! Только никому ни слова, куда мы пойдем!

Понял?

– Это ты меня предупреждаешь? Или как? – возмутился я. – Только надо бы еще кого-нибудь взять. Все-таки это гора. Опасно...

– Кольку можно. Сережку...

Против Сережки я не возражал. А вот Колька...

Колька старше меня не на год, как почти все остальные, а на два. И еще... Колька на дискотеке все время приглашал Светку. А я так и не решился пригласить ее. Ни разу! Я же был ниже Светки на целых полголовы... Эх!

Нет, мне совсем не хотелось ничего рассказывать Кольке и брать его в поход на гору!

– Может, Кольку не надо? Давай кого-нибудь из девчонок возьмем! – Я даже сам не ожидал, что решусь это предложить.

– А это еще зачем?

Я не смог объяснить Лёнчику, зачем нам девчонки. Но Лёнчик подумал...

– Ладно, – подытожил он. – Послезавтра Петрович едет в город, а Гимназия даже внимания не обратит, сколько человек на обеде. наших предупредим, что на этюды пошли. К вечеру же мы вернемся! – Он помолчал и добавил: – Заметано. Берем Серегу, так как он самый сильный. Кольку, потому что он самый старший.

Светку и Ольку, чтоб видимость создать, что мы на этюдах. Ну и мы с тобой. И всё, сокровища у нас в кармане!

Пришлось мне с кандидатурой Кольки согласиться.

– Зачем тебе сокровища? – спросил я у Лёнчика.

– Ну ты даешь! Спрашиваешь! – взмахнул руками Лёнчик.

– А все-таки? – не отставал я.

– Ну... У нас с мамой квартира теперь однокомнатная. Куплю дом! Машину куплю!

– А дальше?

– Отстань! Что, я не придумаю, куда деньги потратить!

Да, фантазии Лёнчика не хватило даже на кругосветное путешествие...

Лёнчик старше меня на год. Как и почти все ребята и девчонки. Его родители в начале года развелись. Он остался с мамой, хотя отец и звал его к себе – в большой дом, в котором все они жили раньше.

Но Лёнчик не смог оставить мать.

Он сначала сильно переживал и разрывался между родителями. Сейчас, видимо, боль его немного поутихла, но сундучок с сокровищами действительно Лёнчику бы не помешал. А кому бы он помешал, позвольте спросить?

Итак, на следующий день мы всех предупредили. Никто не отказался от поисков сокровищ! Не смог пойти только Серёга: накануне он растянул ногу, играя в футбол. Ходил к Верочке на компрессы и растирания. Но Серёга поклялся никому не проговориться, куда мы собираемся.

Мы сложили в рюкзак все съестное, что смогли собрать.

(К тому времени мы почти съели свои домашние запасы, привезенные из Москвы.)

Хлеб и масло решили взять с завтрака. Позаботились и о воде: у Светки оказалась домашняя фляжка.

Позавтракав и помахав руками отъезжающему на автомобиле Петровичу, мы вышли на ту самую тропку, которую показала мне докторша Вера Петровна.

Сердце мое замирало. Наверно, я был самым счастливым из всех, ступивших на тропу. Даже себе я не мог толком объяснить почему.

Эта гора звала меня!

Я ведь почти не думал о сокровищах. Но об этом никому не говорил, даже Лёнчику. Я просто знал, что мне надо, мне необходимо подняться на гору. И чем раньше, тем лучше.

Зачем?

Не знаю. Но надо. Необходимо.

Впереди меня шла Оля, а перед Олей – Света.

Цвиркали кузнечики, жужжали пчелы, порхали бабочки. Мы тащили с собой краски, бумагу, маленькие складные стульчики. Мы же были, кроме всего прочего, еще и художниками.

Глава 9

Конечно, мы поздновато вышли.

Пройдя немного, мы... короче, мы начали беситься. Гоняться за бабочками, рвать цветочки. Поиграли в «лова». Девчонки визжали, да и мы от них не отставали.

Кроме того, идти в гору оказалось довольно трудно. Солнце стояло высоко и пекло прямо в макушку. Так и хотелось улечься где-нибудь под кустиком, в тенечке. Но кустики пока оставались невысокими, а деревья маячили где-то на вершине.

Казалось, что с каждым нашим шагом они тоже взбираются все выше и выше. Уже и лагерь наш сверху казался маленьким... Вот он совсем скрылся за поворотом тропинки, а до вершины горы оставалось все так же далеко, как и в начале пути.

Высота горы оказалась обманчивой. А ведь я читал об этом в книгах! Но одно дело – о чем-то читать, и совсем другое – переживать на самом деле!

– Есть охота! – не выдержал Лёнчик. – Давайте перекусим, а то я уже не могу.

Никто не заставил себя просить дважды.

– Ребята, – робко заговорила Оля, раскрывая пакеты с едой, – может, вообще вернемся? Что-то, мне кажется, нам до вершины к вечеру не добраться. Да и...

– Что? – спросил Лёнчик. – Ты не веришь в сокровища?

– А ты сам посуди, – поувереннее продолжила Оля. – Сам подумай. Столько веков их искали – никто не нашел. А тут ты явился, а сокровища на тарелочке лежат, тебя дожидаются! Так?

– Ну...

– И правда, ребята, давайте вниз, – поддержала подружку Света. – Поедим, по этюду напишем – и вниз.

– Вы как хотите, а я все равно наверх пойду, – не сдавался Лёнчик. – Саня, ты как? Колька, а ты?

– Я – наверх, – подтвердил я. – Если не будем долго обедать...

– Я – как все, – уклончиво ответил Колька. – Но насчет сокровищ особых иллюзий не имею. Хотя, конечно, хорошо бы...

– Оля, – обратился Лёнчик к Оле и даже притронулся к ее руке. – Оля, нам теперь больше из лагеря не выбраться... За нами же теперь «сека» будет. Один раз убежали – значит, еще убежать можем. Понимаешь? Пошли! И вправду, надо идти быстрее! Доберемся! Никуда монастырь этот от нас не убежит! И сокровища нас ждут, а ни кого-нибудь. Да, Саня?

– Угу, – ответил я, хотя тоже не очень был уверен насчет сокровищ.

Я даже себе не мог точно объяснить, *что* так властно толкало меня на эту гору. Иногда мне казалось, что меня просто зовет сама гора. Но кому я мог рассказать об этом!

Мы быстро покидали в себя бутерброды, выпили по два глотка воды и двинулись наверх.

Идти по-прежнему было трудно. Все так же палило солнце. Так же медленно сокращалось расстояние до леса.

Наконец вот они, первые деревья...

Дойдя до них, мы просто свалились в тень. Лежали, не в силах даже стянуть с себя рюкзаки. Всем хотелось пить.

Светкина фляжка оказалась так мала... Мы выпили еще по глотку, и вода во фляжке закончилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.